

СКАЗКИ
1001 НОЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 398.21(=411.21)
ББК 82.3(0)-6
С42

Сказки 1001 ночи / пер. с араб. М. Салье — Москва :
С42 Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Книга — на века).

ISBN 978-5-17-105869-2

В книгу вошли избранные сказки из «Тысячи и одной ночи», знаменитого памятника арабской и персидской литературы, в том числе «Рассказ про Ала-ад-дина и волшебный светильник» и «Рассказ про Али-Баба и сорок разбойников», не включенные в классическое восьмитомное издание.

УДК 398.21(=411.21)
ББК 82.3(0)-6

ISBN 978-5-17-105869-2

©Перевод М.В. Салье , 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Рассказ о царе Шахрияре и его брате

Слава Аллаху, Господу миров! Привет и благословение господину посланных, господину и владыке нашему Мухаммеду! Аллах да благословит его и да приветствует благословением и приветом вечным, ддящимся до судного дня!

А после того: поистине, сказания о первых поколениях стали назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события произошли с другими, и поучался и чтобы, вникая в предания о минувших народах и о том, что случилось с ними, воздерживался он от греха. Хвала же тому, кто сделал сказания о древних уроком для народов последующих!

К таким сказаниям относятся и рассказы, называемые «Тысяча и одна ночь», и возвышенные повести и притчи, заключающиеся в них.

Повествуют в преданиях народов о том, что было, прошло и давно минуло (а Аллах более сведущ в неведомом и премудр и преславлен, и более всех щедр, и преблагосклонен, и милостив), что в древние времена и минувшие века и столетия был на островах Индии и Китая царь из царей рода Сасана¹, повелитель войск, стражи, челяди и слуг. И было у него два сына: один взрослый, другой юный, и оба были витязи-храбрецы, но старший превосходил младшего доблестью. И он воцарился в своей стране и справедливо управлял подданными, и жители его земель и царства полюбили его, и было имя ему царь Шахрияр; а младшего его брата

¹ Потомки полумифического царя Сасана, или Сасаниды, правили Персией в III—VII веках. Причисление к ним царя Шахрияра — поэтический анахронизм, каких немало в «1001 ночи».

звали царь Шахземан, и он царствовал в Самарканде персидском. Оба они пребывали в своих землях, и каждый у себя в царстве был справедливым судьей своих подданных в течение двадцати лет и жил в полнейшем довольстве и радости. Так продолжалось до тех пор, пока старший царь не пожелал видеть своего младшего брата и не повелел своему везирю¹ поехать и привезти его. Везирь исполнил его приказание и отправился, и ехал до тех пор, пока благополучно не прибыл в Самарканд. Он вошел к Шахземану, передал ему привет и сообщил, что брат его по нем стосковался и желает, чтобы он его посетил; и Шахземан отвечал согласием и снарядился в путь. Он велел вынести свои шатры, снарядить верблюдов, мулов, слуг и телохранителей и поставил своего везиря правителем в стране, а сам направился в земли своего брата. Но когда настала полночь, он вспомнил об одной вещи, которую забыл во дворце, и вернулся и, войдя во дворец, увидел, что жена его лежит в постели, обнявшись с черным рабом из числа его рабов.

И когда Шахземан увидел такое, все почернело перед глазами его, и он сказал себе: «Если это случилось, когда я еще не оставил города, то каково же будет поведение этой проклятой, если я надолго отлучусь к брату!» И он вытащил меч и ударил обоих и убил их в постели, а потом, в тот же час и минуту, вернулся и приказал отъезжать — и ехал, пока не достиг города своего брата. А приблизившись к городу, он послал к брату гонцов с вестью о своем прибытии, и Шахрияр вышел к нему навстречу и приветствовал его, до крайности обрадованный. Он украсил в честь брата город и сидел с ним, разговаривая и веселясь, но царь Шахземан вспомнил, что было с его женой, и почувствовал великую грусть, и лицо его стало желтым, а тело ослабло. И когда брат увидел его в таком состоянии, он подумал, что причиной тому разлука со страной и царством, и оставил его так, не расспрашивая ни о чем. Но потом, в какой-то день, он сказал ему: «О брат мой, я вижу, что твое тело ослабло и лицо твое пожелтело». А Шахземан отвечал ему: «Брат мой, внутри меня язва», — и не рассказал, что испытал от жены. «Я хочу, — сказал тогда Шахрияр, — чтобы ты поехал со мной на охоту и ловлю: может быть, твое сердце развеселится». Но Шахземан отказался от этого, и брат поехал на охоту один.

В царском дворце были окна, выходившие в сад, и Шахземан посмотрел и вдруг видит: двери дворца открываются, и оттуда выходят

¹ Везирь — первый министр в арабском халифате.

двадцать невольниц и двадцать рабов, а жена его брата идет среди них, выделяясь редкостной красотой и прелестью. Они подошли к фонтану, и сняли одежды, и сели вместе с рабами, и вдруг жена царя крикнула: «О Масуд!» И черный раб подошел к ней и обнял ее, и она его также. Он лег с нею, и другие рабы сделали то же, и они целовались и обнимались, ласкались и забавлялись, пока день не повернул на закат. И когда брат царя увидел это, он сказал себе: «Клянусь Аллахом, моя беда легче, чем это бедствие!» — и его ревность и грусть рассеялись. «Это больше того, что случилось со мною!» — воскликнул он и перестал отказываться от питья и пищи. А потом брат его возвратился с охоты, и они приветствовали друг друга, и царь Шахрияр посмотрел на своего брата, царя Шахземана, и увидел, что прежние краски вернулись к нему и лицо его зарумянилось и что ест он не переводя духа, хотя раньше ел мало. Тогда брат его, старший царь, сказал Шахземану: «О брат мой, я видел тебя с пожелтевшим лицом, а теперь румянец к тебе возвратился. Расскажи же мне, что с тобою». — «Что до перемены моего вида, то о ней я тебе расскажу, но избавь меня от рассказа о том, почему ко мне вернулся румянец», — отвечал Шахземан. И Шахрияр сказал: «Расскажи сначала, отчего ты изменился видом и ослаб, а я послушаю».

«Знай, о брат мой, — заговорил Шахземан, — что, когда ты прислал ко мне везира с требованием явиться к тебе, я снарядился и уже вышел за город, но потом вспомнил, что во дворце осталась жемчужина, которую я хотел тебе дать. Я возвратился во дворец и нашел мою жену с черным рабом, спавшим в моей постели, и убил их и приехал к тебе, размышляя об этом. Вот причина перемены моего вида и моей слабости; что же до того, как ко мне вернулся румянец, — позволь мне не говорить тебе об этом».

Но, услышав слова своего брата, Шахрияр воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, почему возвратился к тебе румянец!» И Шахземан рассказал ему обо всем, что видел. Тогда Шахрияр сказал брату своему Шахземану: «Хочу увидеть это своими глазами!» И Шахземан посоветовал: «Сделай вид, что едешь на охоту и ловлю, а сам спрячься у меня, тогда увидишь это и убедишься воочию».

Царь тотчас же велел кликнуть клич о выезде, и войска с палатками выступили за город, и царь тоже вышел; но потом он сел в палатке и сказал своим слугам: «Пусть не входит ко мне никто!» После этого он изменил обличье и украдкой прошел во дворец, где был его брат, и посидел некоторое время у окошка, которое выходило в сад, — и вдруг

невольницы и их госпожа вошли туда вместе с рабами и поступали так, как рассказывал Шахземан, до призыва к послепоуденной молитве. Когда царь Шахрияр увидел это, ум улетел у него из головы, и он сказал своему брату Шахземану: «Вставай, уйдем тотчас же, не нужно нам царской власти, пока не увидим кого-нибудь, с кем случилось то же, что с нами! А иначе — смерть для нас лучше, чем жизнь!»

Они вышли через потайную дверь и странствовали дни и ночи, пока не подошли к дереву, росшему посреди лужайки, где протекал ручей возле соленого моря. Они напились из этого ручья и сели отдыхать. И когда прошел час дневного времени, море вдруг заволновалось, и из него поднялся черный столб, возвысившийся до неба, и направился к их лужайке. Увидев это, оба брата испугались и взобрались на верхушку дерева (а оно было высокое) и стали ждать, что будет дальше. И вдруг видят: перед ними джинн¹ высокого роста, с большой головой и широкой грудью, а на голове у него сундук. Он вышел на сушу и подошел к дереву, на котором были братья, и, севши под ним, отпер сундук, и вынул из него ларец, и открыл его, и оттуда вышла молодая женщина со стройным станом, сияющая подобно светлomu солнцу, как это сказал, и отлично сказал, поэт Атыйя:

Засияла во тьме она — день блистает.

И сверкают стволов верхи ее светом.

Она блещет, как много солнц на восходе.

Сняв покровы, смутит она звезды ночи.

Все творенья пред нею ниц упадают,

Коль, явившись, сорвет она с них покровы.

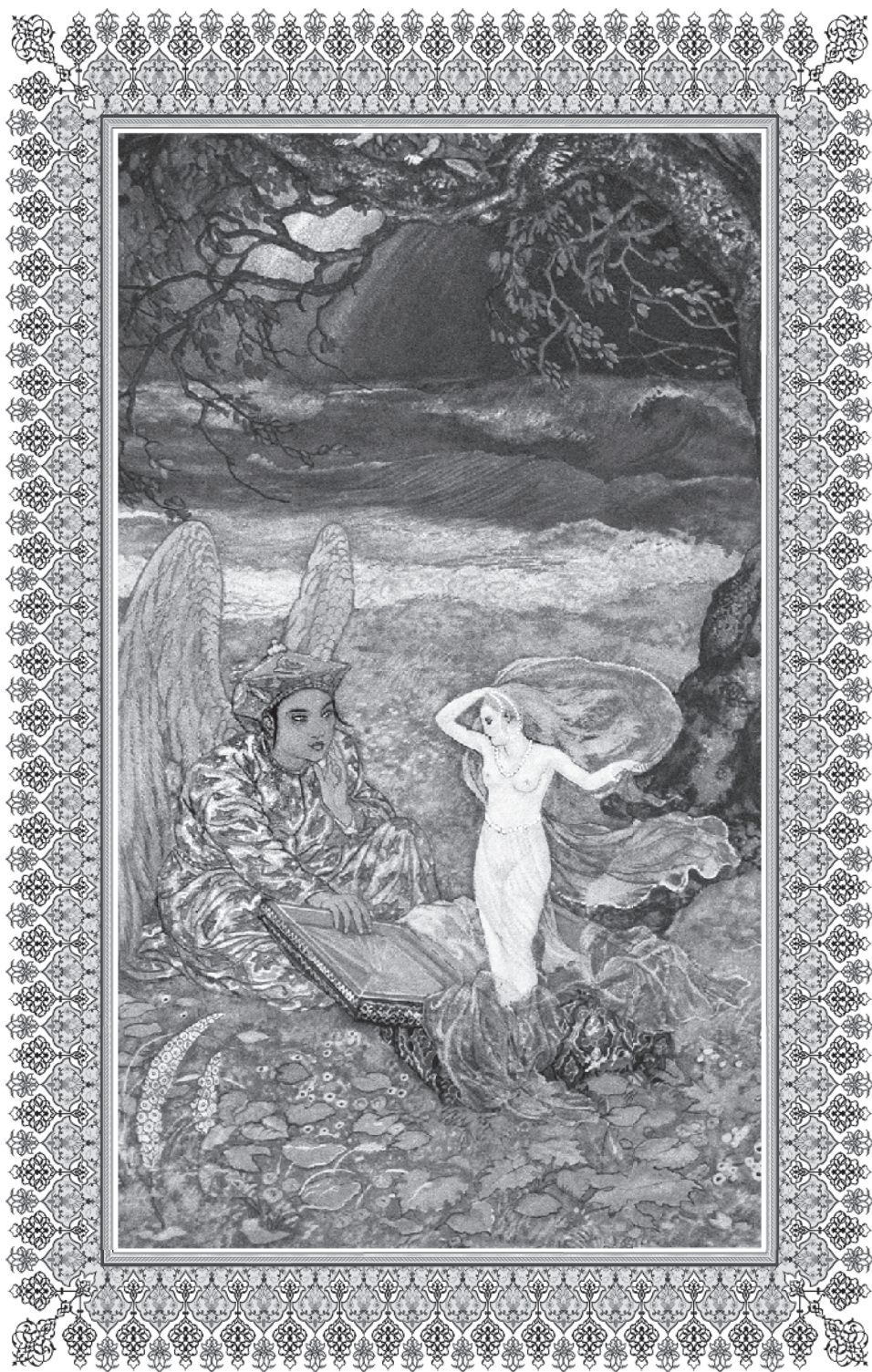
Если же в гневе сверкнет она жаром молний,

Льются слезы дождей тогда безудержно².

Джинн взглянул на эту женщину и сказал: «О владычица благородных, о ты, кого я похитил в ночь свадьбы, я хочу немного поспать!» — и он положил голову на колени женщины и заснул; она же подняла го-

¹ Джинны, ифриты или мариды — в арабском фольклоре добрые или злые духи.

² Во всех сказках поэтические отрывки переведены без сохранения единой рифмы, проходящей, согласно правилам арабского стихосложения, через все стихотворение. Приблизительно передан лишь размер, или, вернее, ритм оригинала.

лову и увидела обоих царей, сидевших на дереве. Тогда она сняла голову джинна со своих колен и положила ее на землю и, вставши под дерево, сказала братьям знаками: «Слезайте, не бойтесь ифрита». И они ответили ей: «Заклинаем тебя Аллахом, избавь нас от этого». Но женщина сказала: «Если не спуститесь, я разбужу ифрита, и он умертвит вас злой смертью». И они испугались и спустились к женщине, а она легла перед ними и сказала: «Вонзите, да покрепче, или я разбужу ифрита». От страха царь Шахрияр сказал своему брату, царю Шахземану: «О брат мой, сделай то, что она велела тебе!» Но Шахземан ответил: «Не сделаю! Сделай ты раньше меня!» И они принялись знаками подзадоривать друг друга, но женщина воскликнула: «Что это? Я вижу, вы перемигиваетесь! Если вы не подойдете и не сделаете этого, я разбужу ифрита!» И из страха перед джином оба брата исполнили приказание, а когда они кончили, она сказала: «Очнитесь!» — и, вынув из-за пазухи кошель, извлекла оттуда ожерелье из пятисот семидесяти перстней. «Знаете ли вы, что это за перстни?» — спросила она; и братья ответили: «Не знаем!» Тогда женщина сказала: «Владельцы всех этих перстней имели со мной дело на рогах этого ифрита. Дайте же мне и вы тоже по перстню». И братья дали женщине два перстня со своих рук, а она сказала: «Этот ифрит меня похитил в ночь моей свадьбы и положил меня в ларец, а ларец — в сундук. Он навесил на сундук семь блестящих замков и опустил меня на дно ревущего моря, где бьются волны, но не знал он, что если женщина чего-нибудь захочет, то ее не одолеет никто, как сказал один из поэтов:

Не будь доверчив ты к женщинам,
Не верь обетам и клятвам их;

Прощенье их, как и злоба их,
С одной лишь похотью связаны.

Любовь являют притворную,
Обман таится в одеждах их.

Учись на жизни Иосифа¹, —
И там найдешь ты обманы их.

¹ Намек на библейский рассказ об Иосифе Прекрасном, перешедший в мусульманскую повествовательную литературу.

Ведь знаешь ты: твой отец Адам
Из-за них уйти тоже должен был.

А другой сказал:

О несчастный, сильней от брани любимый!
Мой проступок не столь велик, как ты хочешь.

Полубивши, свершил я этим лишь то же,
Что и прежде мужи давно совершали.

Удивленья великого тот достоин,
Кто от женских остался чар невредимым...»

Услышав от нее такие слова, оба царя до крайности удивились и сказали один другому: «Вот ифрит, и с ним случилось худшее, чем с нами! Подобного не бывало еще ни с кем!»

И они тотчас ушли от нее и вернулись в город царя Шахрияра, и он вошел во дворец и отрубил голову своей жене, и рабам, и невольницам.

И царь Шахрияр еженощно стал брать невинную девушку и овладевал ею, а потом убивал ее, и так продолжалось в течение трех лет.

И люди возопили и бежали со своими дочерьми, и в городе не осталось ни одной девушки, пригодной для брачной жизни.

И вот потом царь приказал своему везирию привести ему, по обычаю, девушку, и везирь вышел и стал искать, но не нашел девушки и отправился в свое жилище, угнетенный и подавленный, боясь для себя зла от царя. А у царского везиря было две дочери: старшая — по имени Шахразада и младшая — по имени Дуньязада. Старшая читала книги, летописи и жития древних царей и предания о минувших народах, и она, говорят, собрала тысячу летописных книг, относящихся к древним народам, прежним царям и поэтам. И сказала она отцу: «Отчего это ты, я вижу, грустен и подавлен и обременен заботой и печальми? Ведь сказал же кто-то об этом:

Кто заботами подавлен,
Тем скажи: «Не вечно горе!

Как кончается веселье,
Так проходят и заботы».

И, услышав от своей дочери такие слова, везирь рассказал ей от начала до конца, что случилось у него с царем. И Шахразада воскликнула: «Заклинаю тебя Аллахом, о батюшка, выдай меня за этого царя, и тогда я либо останусь жить, либо буду выкупом за дочерей мусульман и спасу их от царя». — «Заклинаю тебя Аллахом, — воскликнул везирь, — не подвергай себя такой опасности!» Но Шахразада сказала: «Это неизбежно должно быть!» И везирь молвил: «Я боюсь, что с тобою случится то же, что случилось у быка и осла с земледельцем». — «А что же было с ними?» — спросила Шахразада.

Рассказ о быке с ослом

«Знай, о дочь моя, — сказал везирь, — что один купец обладал богатством и стадами скота, и у него была жена и дети, и Аллах великий даровал ему знание языка и наречий животных и птиц. А жил этот купец в деревне, и у него, в его доме, были бык и осел. И однажды бык вошел в стойло осла и увидел, что оно подметено и побрызгано, а в кормушке у осла просеянный ячмень и просеянная солома, и сам он лежит и отдыхает, и только иногда хозяин ездит на нем, если случится какое-нибудь дело, и тотчас же возвращается. И в какой-то день купец услышал, как бык говорил ослу: «На здоровье тебе! Я устаю, а ты отдыхаешь, и ешь ячмень просеянным, и за тобою ухаживают, и только иногда хозяин ездит на тебе и возвращается, а я должен вечно пахать и вертеть жернов». И осел отвечал: «Когда ты выйдешь в поле и тебе наденут на шею ярмо, ложись и не подымайся, даже если тебя будут бить, или встань и ложись опять. А когда тебя приведут назад и дадут тебе бобов, не ешь их, как будто ты больной, и не касайся пищи и питья день, два или три, — тогда отдохнешь от трудов и тягот». А купец слышал их разговор. И когда погонщик принес быку его вечерний корм, тот съел самую малость, и наутро погонщик, пришедший, чтобы отвести быка на пашню, нашел его больным, и опечалился, и сказал: «Вот почему бык не мог вчера работать!» А потом он пошел к купцу и сказал ему: «О господин мой, бык не годен для работы: он не съел вчера вечером корм и ничего не взял в рот». А купец уже знал, в чем дело, и сказал: «Иди возьми осла и паши на нем, вместо быка, целый день».

Когда к концу дня осел вернулся, после того как весь день пахал, бык поблагодарил его за его милость, избавившую его на этот день от труда, но осел ничего ему не отвечал и сильно раскаивался. И на следующий

день земледелец пришел и взял осла и пахал на нем до вечера, и осел вернулся с ободранной шеей, мертвый от усталости. И бык, оглядев осла, поблагодарил его и восхвалил, а осел воскликнул: «Я лежал развалившись, но болтливость мне повредила! Знай, — добавил он, — что я тебе искренний советчик; я услышал, как наш хозяин говорил: «Если бык не встанет с места, отдайте его мяснику, пусть он его зарежет и порежет его кожу на куски». И я боюсь за тебя и тебя предупреждаю. Вот и все!»

Бык, услышав слова осла, поблагодарил его и сказал: «Завтра я пойду с ними работать!» — и потом он съел весь свой корм и даже вылизал языком ясли. А хозяин слышал весь этот разговор. И когда настал день, купец и его жена вышли к коровнику и сели, и погонщик пришел, взял быка и вывел его; и при виде своего господина бык задрал хвост, пустил ветры и поскакал, а купец засмеялся так, что упал навзничь. «Чему ты смеешься?» — спросила его жена, и он отвечал: «Я видел и слышал тайну, но не могу ее открыть — я тогда умру». — «Ты непременно должен рассказать мне о ней и о причине твоего смеха, даже если умрешь!» — возразила его жена. Но купец ответил: «Я не могу открыть эту тайну, так как боюсь смерти». И она воскликнула: «Ты, наверное, смеешься надо мною!» — и до тех пор приставала и надоела ему, пока он не покорился ей и не расстроился; и тогда он созвал своих детей и послал за судьей и свидетелями, желая составить завецание и потом открыть жене тайну и умереть, ибо он любил свою жену великой любовью, так как она была дочерью его дяди¹ и матерью его детей, а он уже прожил сто двадцать лет жизни. Затем купец велел созвать всех родственников и всех живших на его улице и рассказал им эту повесть, добавив, что когда он скажет свою тайну, он умрет. И все, кто присутствовал, сказали его жене: «Заклинаем тебя Аллахом, брось это дело, чтобы не умер твой муж и отец твоих детей». Но она воскликнула: «Не отстану от него, пока не скажет! Пусть его умирает!» И все замолчали. И тогда купец поднялся и пошел к стойлу, чтобы совершить омовение и, вернувшись, рассказать им и умереть. А у купца был петух и с ним пятьдесят кур, и еще у него была собака. И вот он услышал, как собака кричит и ругает петуха, говоря ему: «Ты радуешься, а наш хозяин собирается умирать». — «Как это?» — спросил петух; и пес повторил ему всю повесть, и тогда петух воскликнул: «Клянусь Аллахом, мало ума у нашего господина! У меня вот пятьдесят жен — то с одной помирюсь, то к другой подлажусь; а у хозяина одна жена, и он не знает, как с ней обращаться. Взять

¹ Частое в арабских сказках обращение, отражающее древний обычай выдавать девушку замуж за двоюродного брата.

бы ему тутовых прутьев, пойти в чулан и бить жену, пока она не умрет или не закается впредь ни о чем его не спрашивать».

А торговец слышал слова петуха, обращенные к собаке, — рассказывал везирь своей дочери Шахразде, — и я сделаю с тобой то же, что он сделал со своей женой».

«А что он сделал?» — спросила Шахразда.

И везирь продолжал: «Наломав тутовых прутьев, он спрятал их в чулан и привел туда свою жену, говоря: «Подойди сюда, я тебе все скажу в чулане и умру, и никто на меня не будет смотреть». И она вошла с ним в чулан, и тогда купец запер дверь и принялся так бить свою жену, что она едва не лишилась чувств и закричала: «Я раскаиваюсь!» А потом она поцеловала мужу руки и ноги, и покаялась, и вышла вместе с ним, и ее родные и все собравшиеся обрадовались, и они продолжали жить приятнейшей жизнью до самой смерти».

И, услышав слова своего отца, дочь везиря сказала: «То, чего я хочу, неизбежно!»

И тогда везирь снарядил ее и отвел к царю Шахрияру. А Шахразда подучила свою младшую сестру и сказала ей: «Когда я приду к царю, я пошлю за тобой, а ты, когда придешь и увидишь, что царь удовлетворил свою нужду во мне, скажи: «О сестрица, поговори с нами и расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонную ночь», — и я расскажу тебе что-то, в чем будет, с соизволения Аллаха, наше освобождение».

И вот везирь, отец Шахразды, привел ее к царю, и царь, увидя его, обрадовался и спросил: «Доставил ли ты то, что мне нужно?»

И везирь сказал: «Да!»

И Шахрияр захотел взять Шахразду, но она заплакала; и тогда он спросил ее: «Что с тобой?»

Шахразда сказала: «О царь, у меня есть маленькая сестра, и я хочу с ней проститься».

И царь послал тогда за Дуньязадой, и она пришла к сестре, обняла ее и села на полу возле ложа. И тогда Шахрияр овладел Шахраздой, а потом они стали беседовать; и младшая сестра сказала Шахразде: «Заклинаю тебя Аллахом, сестрица, расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи».

«С любовью и охотой, если разрешит мне безупречный царь», — ответила Шахразда.

И, услышав эти слова, царь, мучившийся бессонницей, обрадовался, что послушает рассказ, и позволил.

Сказка о рыбаке

«Дошло до меня, о счастливый царь, — сказала Шахразада, — что был один рыбак, далеко зашедший в годах, и были у него жена и трое детей, и жил он в бедности. И был у него обычай забрасывать свою сеть каждый день четыре раза, не иначе; и вот однажды он вышел в полуденную пору, и пришел на берег моря, и поставил свою корзину, и, подобрав полы, вошел в море и закинул сеть. Он выждал, пока сеть установится в воде, и собрал веревки и, когда почувствовал, что сеть отяжелела, попробовал ее вытянуть, но не смог; и тогда он вышел с концом сети на берег, вбил колышек, привязал сеть и, раздевшись, стал нырять вокруг нее, и до тех пор старался, пока не вытащил ее. И он обрадовался и вышел и, надев свою одежду, подошел к сети, но нашел в ней мертвого осла, который разорвал сеть. Увидев это, рыбак опечалился и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, это удивительное пропитание!» — сказал он потом и произнес: —

О ты, погружившийся в мрак ночи и гибели,
Усилья умерь свои: надел не труды дают.

Не видишь ли моря ты, и к морю рыбак идет,
Собравшись на промысел под сенью светил ночных?

Вошел он в пучину вод, и хлещет волна его,
И взора не сводит он с раздутых сетей своих.

Но, мирно проспавши ночь, довольный той рыбкою,
Чье горло уж проткнуто железом убийственным,

Продаст он улов тому, кто ночь безмятежно спал,
Укрытый от холода во благе и милости.

Хвала же Творцу! Одним он даст, а другим не даст;
Одним суждено ловить, другим — поедать улов».

Потом он сказал: «Живо! Милость непременно будет, если захочет
Аллах великий! — и произнес: —

Если будешь ты поражен бедой, облачись тогда
Во терпенье славных; поистине, так разумнее;

Рабам не сетуй: на доброго станешь сетовать
Перед теми ты, кто не будет добр никогда к тебе».

Потом он выбросил осла из сети и отжал ее, а окончив отжимать сеть, он расправил ее и вошел в море и, сказав: «Во имя Аллаха!», снова забросил. Он выждал, пока сеть установится; и она отяжелела и зацепилась крепче, чем прежде, и рыбак подумал, что это рыба, и, привязав сеть, разделся, вошел в воду и до тех пор нырял, пока не высвободил ее. Он трудился над нею, пока не поднял ее на сушу, но нашел в ней большой кувшин, полный песку и ила. И, увидев это, рыбак опечалился и произнес:

«О ярость судьбы — довольно!
А мало тебе — будь мягче!

Я вышел за пропитаньем,
Но вижу — оно скончалось.

Как много глупцов в Плеядах
И сколько во прахе мудрых!»

Потом он бросил кувшин и отжал сеть и вычистил ее и, попросив прощенья у Аллаха великого, вернулся к морю в третий раз и опять заки-